

СВЕТ

Дарья Гаечкина

Сборник миниатюр

16+

Дарья Гаечкина
Свет. Сборник миниатюр

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гаечкина Д.

Свет. Сборник миниатюр / Д. Гаечкина — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Любой верблюд предпочтёт пройти через десять сотен иголочных ушек,
нежели один-единственный день побыть человеком. Что это такое — быть
человеком и чувствовать, как человек?

Содержание

Часть первая. Будь как море	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дарья Маликова (Дарья Гаечкина)
Свет. Сборник миниатюр

«Свет» – сборник миниатюр, состоящий из трёх частей: «Будь как море», «Дом» и «Двадцатилетие». Нужно отметить, что особая повествовательная тактика сборника осложняет подробное составление синопсиса. В первой части героиня от первого лица рассказывает о нескольких месяцах, проведённых на Севере. Она впервые оказывается в Скандинавии, с которой крепко срослось её сердце, и переживает всё, что с ней происходит, с глубиной сильно и много чувствующего человека. Героиня путешествует по югу Швеции, касается незнакомой жизни, знакомится с холодным морем и одиночеством, отправляется в путешествие в норвежские фьорды, встречает рассвет у маяка и глубже узнаёт себя. Рассказ героини – это не повествование о действиях, в которых зачастую нет ничего примечательного, но запечатление момента, текстовая фотография, оставившая след в её памяти.

Вторая часть сборника, «Дом» – это история больно взрослеющего человека. Возвращаясь в родной город, героиня видит всё другими глазами, и за единое лето с грустью прощается с детством. В её рассказе – колоссальная любовь ко всему, что её окружает, и эта любовь и держит её на плаву, и причиняет боль. Любовь и боль – именно это героиня стремится запечатлеть в своих рассказах.

Третья часть, «Двадцатилетие» – это дневниковые записи героини, также посвящённые глубокому эмоциональному пути взрослеющего человека. Ничем не примечательные повседневные происшествя – поход в театр, примерка платья для бала, знакомство с Казанью или Парижем для героини – концентрированное жизненное мгновение. Именно из таких и состоит её жизнь – и именно об этом она хочет рассказать. О том, что каждая минута достойна того, чтобы заснять её словами.

Близиких налогов, насколько известно автору, нет.

Меня зовут Дарья Александровна Маликова, мне 22 года и я занимаюсь литературным импрессионизмом. Занимаюсь давно, прошла все мыслимые и немыслимые этапы творчества и, кажется, должна пройти ещё столько же. Уроженка родины Ленина, студентка магистратуры МГИМО МИД РФ, скандинавист и будущий дипломат. Говорю на английском, шведском и французском языках. Финалист Русских Рифм-2016 в номинации «Художественная проза». Публиковалась в Литературной газете (№ 17-18 (6596) (3-05-2017)). Издала два сборника миниатюр с помощью портала Ridero:

«Будь как море» litres.ru/darya-gaechkina/bud-kak-more-sbornik-miniatur/ozon.ru/context/detail/id/142417082/numl.org/oJs

(ссылки укорочены для удобства)

Продано или прочитано с указанных выше сайтов 50 электронных экземпляров, 40 экземпляров продано в печатном виде.

«Дом» litres.ru/darya-gaechkina/dom/ozon.ru/context/detail/id/139272253/numl.org/oJt

(ссылки укорочены для удобства)

Продано или прочитано с указанных выше сайтов 118 электронных экземпляров, более 50 экземпляров продано в печатном виде.

Проводила литературные чтения в библиотеке Ф.М. Достоевского в Москве, дважды участвовала в форуме «Таврида», смена молодых писателей и поэтов.

Веду личный блог VKontakte (552 подписчика) vk.com/gchkn и Telegram-канал (117 подписчиков) vk.com/dar_malikova. Личные социальные сети насчитывают 906 подписчиков (vk.com/dar_malikova), 949 подписчиков (instagram.com/dar.malikova) и др.

В своё творчество вкладываюсь так, как только может вкладываться человек, профессия которого бесконечно далека от литературы; впрочем, литературой, созданной другими, беспеременно занимаюсь уже несколько лет: руковожу собственным литературным проектом chamberproject.ru. С командой добровольцев мы уже несколько лет собираем на едином сайте молодых поэтов и прозаиков и их тексты, создаём стильные вещи с цитатами из их текстов и помогаем с продвижением. В декабре 2018 года портал выпустил сборник «Чистовик» тиражом в 120 экземпляров, распроданных на презентации и по предзаказу.

«Чистовик»: chamberproject.ru/product/chistovik/

Тел.: +7 909 926 49 75

E-mail: dar.malikova@gmail.com

VK: https://vk.com/dar_malikova

ID 1080806

Часть первая. Будь как море

В шведском языке есть пословица, звучащая как «Gör som havet – våga». Если перевести её буквально, получится «Будь как море – делай волны». Бессмыслица на первый взгляд, но для шведа вся суть кроется во втором значении слова «våga». «Våga» значит быть храбрым. «Våga» значит осмеливаться. Именно такой я и старалась быть там – когда бросалась в холодную Балтику, в норвежские фьорды и в заповедную глубину дороги на маяк. Именно этому, кажется, и учила меня Скандинавия. Будь храброй. Будь как море.

И я, как витязь, который горд

коня сохранить, а живот сложить,

честно поплыл и держал Норд-Норд.

Иосиф Бродский, Письмо в бутылке

Я надела голубую рубашку – в цвет неба и отделки кресел.

Уважаемые пассажиры, самолёт готовится к взлёту.

Голос Аманды Бергман в наушниках отдаёт холодком, будто на лёд постелили бархатный плед. Поднимается солнце; самолёт поводит крыльями, как плечами, и кажется, будто от утренних облаков ему зябко. Тело, на десять тысяч метров оторванное от земли, кажется пустым и лёгким, душа и вовсе истаяла, как медуза, вынесенная на песок, и я решительно настраиваю себя предаться безудержному гедонизму в тот самый момент, когда самолёт опустит нос и коснётся посадочной полосы.

Окунуться в холодное море цвета моей рубашки.

В поезде стоит душный гвалт, много детей, за окнами исполинские ветряки мерно гребут прохладный морской ветер широкими лопастями. Поскольку каждый в вагоне с равной долей вероятности может говорить на датском, шведском или английском языках, объясняемся жестами, улыбками, втискиваемся с чемоданами в уголок между стеной и дверью. Вытираю пот с висков ребром ладони. Выуживаю мягкий шведский говор из потока строгой датской речи и, прикрыв глаза, покачиваю головой, как под музыку. По мосту поезд едет гладко, быстро, как твёрдой рукой пущенная стрела.

В Копенгагене допускается два варианта: либо ты – на съёмках фильма про Копенгаген (здесь всё время хочется сказать режиссёру, что в таких домах не живут, потому что они похожи на пряники), либо – действительно в Дании, но тут случается приступ восторженного неверия и во избежание счастливой истерики ты решаешь сходить за мороженым. В метро неприлично пялишься на надписи и тщетно пытаешься понять, что хуже: уступить место пожилой женщине и прослыть невежественным иностранцем, или не уступить и... прослыть невежественным иностранцем. В поезде на подъезде к Кальмару становится пусто, прохладно и станции объявляют по шведски: до улыбки привычный, мягкий, горловой звук. В кресле напротив Николина с серьёзным лицом углублена в Солженицына; у неё кудрявые пшеничные волосы, пушащиеся, как перья, и приятное веснушчатое лицо. Она сама такая птичка: энергичная улыбчивая щебетунья. Поджимаю под себя ноги, придерживаю коленкой чемодан и, отрываясь от книги, долго смотрю на простенькие, ровненькие шведские поля. Глаза расслабляются и будто растворяются в их светлом ситцевом море.

В сутках у меня сегодня 25 часов. Слава «Аэрофлоту» и часовым поясам.

***

По приезде храбро бросаюсь в балтийскую воду с разбега. Забегаю по щиколотки и с верещанием возвращаюсь обратно, как щенок. Волны с презрением обрызгивают мне джинсы и возвращаются в море.

Ишь ты, тепличное растение.

Если сидеть на пирсе и свесить ноги, вода кажется малахитовой и от неё тянет холодом. Плавать в такой могут только сумасшедшие или скандинавы. Это очень красиво: рослая, розовощёкая шведка, с волосами белесыми, как мука, с глазами голубовато-прозрачными, в строгом закрытом купальнике, плавно разводит руками в этой малахитовой воде, приподнимает нос и подбородок, смотрит на горизонт. На горизонте серые баржи, затянутые туманом, и маленькие белые треугольники парусов.

Вместо воробьёв у Макдоналдса попрошайничают большие белые чайки; у них серые головы, широкие крылья и пронзительные голоса; то и дело слышится, что кто-то вскрикивает от ужаса, вздрагиваешь, смеёшься, а они косятся своими чёрными масляными глазами.

На улицах кролики. Бурая шубка, ушки прижаты, глаза миндальные, всё, как положено – серыми шариками высыпают на газоны к темноте. Темнеть начинает к половине одиннадцатого. Небо будто расширяется и становится сначала жемчужно-серым, а потом – сразу индиго.

***

На окне у меня жалюзи, и оттого по утрам пустая маленькая комната вся в солнечную полосочку. Полосочки выхватывают из сонного пыльного полумрака пачки Доширака, термос с захладавшим за ночь кофе, в беспорядке ночью купленный шведский творог (на вкус как крем или сливки), мятую карту и ключи от велосипеда. Велосипеды мы взяли напрокат на сутки. Велосипедов в городе больше, чем пешеходов. Велосипеды здесь существуют рядами, кучами, парами и поодиночке, прислонённые к стенам – хозяин только что отошёл и сейчас вернётся. Нельзя быть настоящей шведкой, если у тебя нет велосипеда.

Рано утром ветер тянет влагой с моря, сырой, студёной, но солнце уже жарко печёт плечи и тыльную сторону ладони, пока я вслед за Мартином проношусь мимо массивных каменных стен замка, мимо стаи диких серых гусей с красными клювами, мимо пирса, вдоль продрогшего пляжа – прямо, к самой южной оконечности полуострова, где гугл карты сдаются и жалобно просят обновить страницу. Мы останавливаемся и разворачиваем бумажную карту, прихваченную из туристического бюро. Карта хрустит и не слушается от ветра, ветер бьёт резко, плашмя, порывами. Мартин переворачивает кепку козырьком назад, Николина трясёт кудрями и по-детски беззаботно улыбается.

До самого края мыса я добираюсь одна, по щиколотку в нагретой на солнце зыбкой травяной топи, первая, гордая, босая, обгоревшая и замёрзшая одновременно – ты ж моё славное северное солнце! Горизонт режет глаза. Стою на огромном скользком валуне, скололапившись, чтобы не упасть. Гальюнная фигура грудью встречает Балтику.

Отвозя велосипед обратно, держу его за спиной, будто боюсь, что отберут, и прошу продлить аренду на месяц.

Мне сегодня сказали, что я хорошо говорю по-шведски.

***

Если встать к городу спиной и смотреть на замок, вы с ним остаётесь одни. Замок такой тяжёлый, что чувствуется, как он давит на землю своим каменным телом. Холодные стены

метровой толщины пропахли морем, просолились за четыреста лет, и теперь вдоль них бегают дети с волосами цвета льна.

Незадолго до одиннадцати я приезжаю за покупками. На парковке совершенно пусто и мертвенно тихо, только фонари льют на асфальт свой белый свет и шуршат колёса велосипеда. У самого входа дорогу мне перебегают заяц. Он такой большой, что сперва я принимаю его за оленёнка и останавливаюсь. Заяц останавливается тоже – сухопарый, быстрый, настороженный. Мы мгновение смотрим друг на друга: ночь, холод, ветер с моря, пустая парковка. Потом он исчезает.

Я ещё немного пялюсь на то место, где он только что стоял.

По дороге домой сворачиваю к морю. Город глубоко, спокойно спит. Вдоль замка разгоняюсь на пустых аллеях под густыми кронами, в корзинке велосипеда трясутся спаржа, селёдка и помидоры. Колёса слетают с асфальта и шуршат по гальке. Море дышит в темноте: неспешно, раскатисто. Свет с деревянного пирса тут же гаснет в холодной тёмной воде.

Закрываю глаза и стою долго.

***

Я восхитительно запустилась за неделю. Моё лицо отвыкло от того, чтобы его чем-то мазали. Нос облуплен, глаза красноватые от беспрестанного, крутого ветра. Веснушки. Заросшие брови. Тыльная сторона ладони обгорела неровно и некрасиво, как у всех здесь, кто с утра до ночи не слезает с велосипеда. Никаких мешков под глазами. Набрала обратно свои килограммы. Много сплю днём, много гуляю по темноте, много медитирую под тяжёлыми стенами замка, прикрывающими от моря мою неподвижную фигуру в жёлтой кофте. Много сижу на пирсе. Волны холодно дышат в мои подошвы.

Чайки над крышами: я всё никак не перестану удивляться.

Мой будильник давно отключён, телефон не выходит из тишины беззвучного режима. Существование неторопливое и обволакивающее, как тёплый туман. Часто езжу в магазин и бесстыдно предаюсь пищевому гедонизму. Кокосовое масло и яблоки. Свежий сладкий хлеб, морская рыба в алюминиевых банках, густые йогурты, в которых стоит чайная ложка, свежемолотый кофе и жирное молоко. Наслаждение тем, как, крошась, ломается хлеб и кофе льётся в чашку.

Темнота приносит с собой тяжёлую стужу. Надеваю оба имеющиеся свитера, наливаю какао в термос, хватаю с крючка ключи от велосипеда. Шины шуршат на тихой улице, на дороге врасыпную бросаются маленькие бурые кролики с белыми хвостами-пумпончиками. Переднее колесо рассекает ледяную тягучую темноту. Мартин ждёт на велопарковке у городской библиотеки, в пятне света от фонаря; накинув капюшон, пытается включить у велосипеда передний свет. Я сходу сообщаю, что, по моим соображениям, мы оба, вероятно, crazy; он смеётся и разворачивает руль.

– This way.

Едва не съехав в темноте на лестницу, оставляем велосипеды и спускаемся вниз. Доски пирса влажные, холодные, зыбкие. Слышно каждую нотку голоса, каждый оттенок неуловимых интонаций, каждый плеск воды о серый песок. Здесь никогда не делается совсем темно. Свет будто гнездится на западе, между землёй и морем, изжелта-рыжий, тёплый, ждёт рассветного часа; фонари отражаются в воде, глубоко синей, шёлковой, мажут по ней золотыми пятнами. Луна прямо над пирсом. Стынь висит над водой.

Где-то справа хлопает крыльями утка.

***

Выходим из автобуса на маленькой остановке посередине трассы. Жарко. Насколько хватает глаз – поля, ровно стриженные, прямо раскроенные жёлтые и зелёные лоскутки. От ветра по ним пробегает беспорядочная рябь. Асфальт калёный, разметка размягчилась от солнца. Вынимая велосипеды из багажного отделения, водитель с сочувствием интересуется, как мы собираемся попасть обратно на большую землю. No idea, говорю я. Жму на педали. Пролетающие мимо машины, как жуки, обдают жаром, пылью и стрёкотом. Николина доверяет мне, счастливо улыбается и поднимает к сатиновому небу лицо, Мартин хмурится и теребит козырёк у бейсболки. Мартин – швейцарец. У швейцарца не может не быть плана. Швейцарец всегда должен знать, куда мы едем, по какой конкретно дороге, во сколько планируем прибыть и во сколько – остановиться на ланч. В его понимании мы, вероятно, если не сразу, то непременно bold. Дорога – кочки да камни, в корзинке велосипеда подпрыгивает зелёный рюкзак, по сторонам пятнистые коровы топчут копытами пёстренькую, мягкую полевую траву. Солнце горячо жарит руки, щёки и лоб, и тут же северный ветер норовит выхолодить грудь, и никак не привыкнуть, что ты здесь всегда – между жаром Сциллы и холодом Харибды. Разгоняюсь на спусках, нахожу старую ветряную мельницу с застывшими крыльями и забираюсь внутрь; пахнет старьём и пылью, трещит посеревшая от времени деревянная лестница.

Покупаем у местных клубники; на четыре монетки по десять крон – коробочка сочащихся ягод. Таблички «Цветы» и «Экологичная клубника» здесь пишут вручную на белых картонках. Едим сразу, пачкаем липким соком руки и рот. Пожилая полячка в белом платке смотрит на нас и смеётся.

У шведов большие светлые теплицы с запотевшими стенами. Узнавала дорогу у красивой шведки в рабочих перчатках и с коленками, выпачканными в земле.

Она не перешла на английский.

Клубникой объедаемся прежде, чем приезжаем в порт; синеглазые дети с льняными волосами плещутся в воде пятнадцать с половиной градусов Цельсия. Вода здесь, на острове, светлая, с крупными, полными волнами. Стелем плед на крутых, пористых прибрежных валунах и достаём припасённую еду, глядя на режущий глаза, сверкающий залив и Эресуннский мост.

На пароме, идущем на большую землю, плещется шведский флаг.

***

Моё любимое время суток – когда перед закатом небо становится цвета голубой эмали. Матовое, пастельное, оно поднимается вверх и светлеет, светлеет, чтобы потом резко опуститься в темноту. Я лечу по набережной, и по ветру за мной плещется чёрный шарф. Горло продуло, и теперь я похожа на Остапа Бендера с загорелым лицом. Трава холодеет, становится бледнее на два оттенка, и из неё маленькими головками тянутся к небу простенькие белые цветы. Руки у меня липкие от яблочного сока, внутри прохладно и пусто. Самолёт, над тем местом, где только что село солнце, оставляет на небе золотистый, пламенный след. Ветра совсем нет и вода, серебристая, как ртуть, отражает длиннокрылые силуэты чаек. Они падают на воду, взрывают её крыльями, беспокоят, а потом бесшумно качаются на месте.

Я то отпускаю руль велосипеда и лечу с горы в золотисто-жёлтом море роскошных шведских полей, то уезжаю на маленький свежеструганный пирс далеко за Långviken и, невидимая в густых и плотных зарослях камыша, часами втягиваю в себя море через глаза.

Я совсем мальчишка. На ногах живого места нет. Острая коричневая полоса загара ровно по коленки – там, где заканчивается платье. Совсем перестала беречься. С каким-то упрямым упорством лезу в студёную воду, бегаю по стенам замка, по самой кромке, пошатываясь и поптичьи раскинув руки. Будто стала шире.

Поздно ночью встаю с кровати, беру персик, сидр, ключи и плед и отправляюсь медитировать к морю. На пляже пустынно, холодно и тихо. Мокрый песок серовато-коричневого

цвета бережно разровнян. На пирсе моргает готовящийся потухнуть фонарь. Когда не видно волн, кажется, что они вот-вот нахлынут и укроют с головой: переливчатые, нефтяные, неторопливые.

Я закрываю глаза и представляю, как вхожу в воду и иду на само дно, глубже, глубже, а потом останавливаюсь у острова, висящего в глубине, как в воздухе, и касаюсь рукой его мокрого бока.

***

В Оде холодно, туманно и зелено.

Одда – крохотный городок на юго-западе Норвегии, у самых фьордов. Всю дорогу туда я пялилась в окно автобуса, и в мой разинутый рот мог бы влететь небольшой пассажирский самолёт. За стеклом, в серой предрассветной темноте, вдоль узкой трассы неслась горная река – вода густо-бирюзового цвета с белоснежной клокочущей пеной. Горных вершин не было видно из-за тумана, и водопады срывались в реку с самого неба. Автобус спал; я смотрела на часы – два часа до прибытия – и тоже силилась поудобнее устроить голову между рюкзаком и шершавой обивкой кресла, но за новым поворотом распахивалось новое озеро, застывшее, стеклянное, и спать вот так просто, проезжая мимо, было никак нельзя.

Нас пятеро на пустой остановке в горах, я и мои попутчики – трое молодых индийцев и полненькая латвийка. Городок в горной долине. По дну долины течёт река, и оттого всё время слышится, будто где-то рядом закипает чайник. Маленькие квадратные домики, по-скандинавски цветные, карабкаются по склонам и кучками толпятся среди тёмной зелени. Улицы совершенно пусты. Порой кажется, что живут в городе исключительно чайки – они здесь такого размера, что походят на альбатросов, и такого самомнения, что уступают дорогу только после третьего сигнала клаксона. Не считая их характерных криков и клокотания реки – мертвенная тишина.

Автобус уходит, и мне делается смешно. Нас пятеро на пустой остановке в горах. Я прижимаю тыльную сторону ладони ко рту и не могу сдержать смех. Сейчас. Сейчас из-за угла выйдет Уолтер Митти. Или Валдис Пельш – и скажет, что это программа розыгрыш. Из рта при выдохе идёт пар. И индийцы, и Линда поглядывают на меня с некоторой долей сочувствия. Я познакомилась с ними в автобусе из Осло; мы проговорили два с половиной часа, свернувшись на задних сиденьях. Я много махала руками, ребята спрашивали про Путина, за окном то и дело ощущались исполинские тёмные силуэты, пока невидимые. Индийцы и Линда уже провели ночь на соседнем Прекестулене и теперь ехали на Язык. У каждого – большой походный рюкзак, спальный мешок, аккуратно свёрнутый пенный коврик и непромокаемые ботинки. В общем – ни дать ни взять манекены с витрины Спортмастера.

По пути на ближайшую заправочную станцию я пялюсь то на горы, то на свои кроссовки. Оборачиваю вокруг шеи шарф. Зябко и так свежо, будто воздух здесь пропитан эфирным маслом. В маленьком магазинчике Линда бодро здоровается с заспанным норвежцем за прилавком и привычно двигается к автомату с кофе. Беру себе горячий шоколад и две самые дешёвые булки, пахнущие специями. По ту сторону витрины крутятся зачерствевшие хотдоги и маффины в пластиковой упаковке. Забывшись, отвечаю норвежцу по-шведски и замечаю, как хмурится его лицо. В желудке у меня что-то ноет и подрагивает – очень долго не ела и не спала, говорю я себе, но это неправда. Обхватываю горячий стаканчик, сжимаю в охапку бумажный пакетик с булками. В кофе много пены и молока. Снаружи Линда смеётся и курит, индийцы фотографируют чаек на большой фотоаппарат. Ревёт река, выбрасывает в воздух клокочущие массы малахитовой воды и кремовой пены. Позади этого грохота – тишина. Тяжёлая, осязае-

мая. Такой первобытной тишины я никогда ещё не слышала. Я объясняю им в пятнадцатый раз: просто собралась и поехала. Захотела уехать в горы. Рашн крейзи.

В полностью заполненном салоне девушек двое: Линда и я. Отметив это, Линда морщится и ворчит: «The story of my life!». Со стороны её, в полной экипировке, можно принять за хорошенького рыжего мальчика; кроме того, с привычкой много курить и смачно ругаться в компанию Линда вписывается более чем гармонично.

Что никак нельзя сказать обо мне.

У подножия горы я с серьёзным видом переобуваюсь из кроссовок в маленькие резиновые полуботиночки. Ботиночки раскрашены под кеды, обладают шнурками и выглядят совершенно по-идиотски. Затылком чувствую полный любопытства взгляд своих попутчиков. С трудом застёгиваю раздутый рюкзак, привязываю к шлёвкам тканевую сумку с едой и надписью Linnaeus University, туго заплетаю волосы, чтобы не лезли в глаза. Индийцы тихонько переговариваются на хинди. Улыбаются. Наверное, гадали, дойду или не дойду. Не то чтобы я очень об этом думала. В смысле, я понимала, что все правы: и Линда, которая откровенно заявила, что я puts, и Лёша, который узнал о поездке первым и ёмким словом охарактеризовал уровень моих умственных способностей. Наверное, если бы я готовилась к маршруту за неделю, а лучше всего – ещё в Москве, всё было бы совсем по-другому. Я скупилась бы себе половину ассортимента ближайшего спортивного магазина, обзавелась бы новенькими ботинками на рифлёной подошве и хрустящим походным рюкзаком, прочитала бы статьи в интернете, расспросила бы тех, кто уже совершил подъём.

Но так не вышло. Вышло, что я стояла там в джинсах, розовой куртке, шарфе, лихо закинутом на плечо, и всё время смеялась, и пялилась на горы, и шутила, что с середины маршрута буду звонить девять-один-один. И в этом – в моём помятом виде, в моих дурацких резиновых полусапожках (спасибо, мам), в трескающемся по швам зелёном Fjällräven Kånken, здесь, в горах, выглядевшем чуть хуже, чем глупо, заключалась большая часть пузырящегося восторга, который я смаковала тогда в шесть утра по норвежскому времени. Сладостный ужас совершаемого безумства. Пустота и трепет в горле. Молодая храбрящаяся гордость.

(Как показала практика, для того, чтобы комфортно существовать на маршруте, совершенно не обязательно наличие навороченного термобелья, палок для треккинга и высокотехнологичной куртки Columbia. Но если вы не хотите выглядеть белой вороной, лучше, конечно, ими обзавестись).

Подробно описывать маршрут – затея кощунственная. Маршрут – это таинство. Это то, что навсегда остаётся только между тобой и горами. Сюда – только в одиночестве. Первые пару километров ты слышишь тишину и собственное дыхание, поправляешь натирающие ремешки, перевязываешь шнурки, снимаешь один слой одежды за другим, пьёшь воду, фотографируешь, снова пьёшь, обгоняешь, разглядываешь тех, кто обгоняет тебя, оборачиваешься, пялишься вокруг. Горы не торопятся. Горы ждут. Ждут, пока ты отсуетишься, отхлопочешь, а потом опускают тебя в глубокий, немой коматоз. Становится очень тихо. Ты слышишь разговоры тех, кто проходит мимо тебя, ты слышишь непрерывный шелест воды по крутым каменным плитам, слышишь, как ступают по мху подошвы твоих кроссовок, но эти звуки обесцвечиваются и утихают на фоне тишины. Это тяжёлая, обитаемая тишина. Ты чувствуешь присутствие гор. Как ощущается человек, стоящий ровнёхонько за твоим плечом, так ощущается отчётливо и безошибочно присутствие их древних каменных тел. Горы смотрят на тебя. Горы дышат на твоё лицо. Ты знаешь, что ты в гостях; ты знаешь, что ты ступил в их древнее, безмолвное царство, в котором тебе не знаком и не подчиняется ни один закон и в котором ты – маленькая фигурка с токающей в висках красной кровью, в то время как они здесь всегда. Всё, что с тобой здесь произойдёт, зависит только от них, но им до тебя никакого дела нет. Они смотрят туда, где живут внуки твоих внуков, они видели аргонатов и рождение Посейдона, они стоят на самом сердце Земли и связаны с нею одной сетью сосудов.

Маршрут – это бесконечная, непрерывная медитация. Ты ловишь себя на том, что ни о чем не думаешь. Голова пуста и будто бы заморожена. Ты перестаёшь пить воду и забываешь про бутерброды. Острая боль в ногах растекается по телу и сливается с тобой так, что перестаёт причинять неудобство. Периодически ты садишься и молча, сосредоточенно смотришь. Ветер играет с волосами. Каменная плита покрыта жёстким мхом всех оттенков зелёного и отдаёт стынью. Деревья внизу настолько малы, что не видно, как они шевелятся от ветра. Так же не видно, как течёт вода – застывшее полотно цвета медного купороса. Всё застыло. Времени здесь нет.

На видео оттуда я просто держу камеру перед собой и молчу.

Горы отпустили на пути обратно. Заболели ноги, захотелось есть и надеть шарф, одежда на поясице оказалась насквозь промокшей от пота. Это как снова вернуться в тело и обнаружить, что оно всё это время взывало к тебе. Я остановилась в стороне от маршрута, расстелила плед на камнях, съела рис и овощи. Контейнер тщательно вымыла в студёной озёрной воде, прозрачной и недвижимой, как начищенное стекло. Помню, как к концу заторопилась, поскользнулась и упала два раза. На последних двух километрах садилась передохнуть прямо посередине дороги. Клала голову на колени и дышала ртом. Растирала икры.

Спустившись, заботливо подвернула под себя немые ноги и долго ждала автобус в углу на траве.

Автобус снова привозит меня к реке. Всё так же клокочет её нервное малахитовое нутро. Спыхватываюсь, что не знаю адреса хостела, в котором должна ночевать; спрашиваю кого-то на остановке, волочу ноги от одного случайного лица к другому, пока не оказываюсь возле окошка такси. Машина блестящая, чёрная, с кокетливыми белыми шашечками. Водитель просит сто тридцать крон: это больше, чем у меня есть. Я усмехаюсь, будто он шутит, и устало смотрю на дорогу. Далеко идти, спрашиваю. У него весёлое лицо, седые щёточки бровей и белая форма с шашечками на кармашке рубашки.

Минут пятнадцать пешком. Через мост и наверх.

После десяти часов маршрута пятнадцать минут кажутся мне непреодолимыми. В икрах что-то сжимается и дрожит. Я стыло смотрю на узкое полотно моста.

Водитель косит на меня весёлые глаза и, крякнув, открывает дверь рядом с собой.

Садись. Довезу.

В хостеле я споласкиваю ноги холодной водой и, набросив постельное бельё на кровать, ложусь ничком. В телефоне фотография с Языка Тролля – смешной бонус, ироничный подарок от гор.

Меньшее, что я получила.

Первое, что я вижу утром – горную вершину в деревянной рамке окна. Будто на стену повесили картинку с заставки моего ноутбука. Долго лежу щекой на подушке, потом сползаю вниз с верхнего этажа кровати и, кучей сунув в корзину постельное бельё, выхожу к горам. Страшно хочется горячего чаю и большой бутерброд. В ногах будто вставили металлические штифты, но теперь это даже приятно: неопровержимое доказательство того, что я там правда была. Теперь я уже всё осознаю; теперь уже горжусь собой. Одда лежит передо мной, маленькая, спящая, окольцованная исполинскими каменными телами, и лямки рюкзака натирают мне плечи. На изучение города есть целое воскресенье. Автобус увезёт меня в Осло поздно ночью.

Мне хватает пятнадцати минут, чтобы вспомнить, что если найти работающий после пяти вечера магазин в скандинавских странах – задача трудновыполнимая, то отыскать хоть что-нибудь, не закрытое в воскресенье, дело изначально безнадежное. Город совершенно вымер. Превратился в нежилую картинку. Даже перекасти-поле на этих улицах выглядело бы слишком оживлённым. Я не могу понять и, наверное, никогда не пойму, чем немногочисленные жители Одды занимаются по воскресеньям за наглухо зашторенными окнами, но на омертвевших улицах мне всё время казалось, что город в срочном порядке эвакуирован. Если Рим в

своё время спасли гуси, то я в Осло целиком и полностью была обязана захваченным с собой двум пачкам Доширака с грибами. Иначе – голодная смерть на фоне очаровательного пейзажа. Вдобавок к означенным пачкам я обнаружила в кармане два смятых пакетика чёрного чая; после небольшого интро о тяжёлой жизни русского студента в Скандинавии семья поляков, державшая мой хостел, согласилась предоставить мне возможность сидеть в гостинице и в качестве бонуса отсыпала в маленькую чашечку две ложки тростникового сахара. Чуть позже я, правда, обнаружила работающий магазин на заправочной станции – той самой, где мы пили кофе утром перед маршрутом. Норвежец за прилавком узнал меня и улыбнулся. К Дошираку и чаю добавился пресный хлеб и не слишком свежая банка сладкой кукурузы. Все вместе мы представляли собой весьма плачевное зрелище: кукурузу я ела пластиковой ложкой, сидя под маленьким чёрным зонтом на лавке возле памятника добытчикам известняка.

Полагаю, что никогда прежде молоденькая норвежка, утром следующего дня продававшая мне в Осло овсянку с фундуком и горячий эрл-грей, не видела такого восторга на лице иностранного туриста. Полагаю, никогда я ещё так не радовалась горячему завтраку. В Осло мне предстояло пробыть два часа перед посадкой на поезд до Карлстада – два часа с семи до девяти утра. Вываливаясь из автобуса после шестичасового ночного заезда, я не испытывала ни малейшей надежды найти хоть одну открытую дверь. Тем не менее, норвежская столица оказалась ко мне благосклонна.

(Полагаю, хозяева кафе, открывшегося в восемь, просто не были норвежцами).

Потом был Карлстад, затем – Йотеборг; из путешествия по последнему помню только, что сидела на траве в Ботаническом саду и, глядя на стеклянные стены теплиц, обжигалась горячим шоколадом. Большие зелёные листья прижимались к стеклу изнутри. В поездах клала голову на свёрнутую куртку и быстро засыпала. На маленьких станциях совсем, как в России: битый шершавый асфальт, пресс бюро с запылившимися сувенирами и просто одетые люди. Пересадки в Альвесте я ждала на закате; глаза слипались, сумки тянули плечи, и крошечный состав из двух вагонов светил мне в лицо круглыми добрыми фарами.

В Кальмар я возвращаюсь ночью.

***

Я снова еду на велосипеде. Дорога – свеженький асфальт, от дождя цвета дёгтя и будто политый маслом. По обе стороны от меня сосновые стволы вырастают из земли прямо в небо, с которого падает дождь. Дождик. Он очень мягкий, ласковый. Холодный, конечно. На мне синий дождевик; я завязала капюшон под подбородком и оттого похожа на третьекласску. Впрочем, в этих соснах любой покажется маленьким. Они совсем титаны, они держат небо, а оно проливается между их стволами. Ручки у велосипеда скользкие от воды, джинсы на коленках промокли до нитки, а внутри дождевика душно и потно. Жужжат колёса. Разметка промылась дождём и теперь совсем белого, радостного цвета. Я проезжаю маленькие красные дома, две развилки, эстакаду и оказываюсь перед Эресундским проливом; рядом с огромным мостом притулился маленький, деревянный, изогнувшийся мокрым скользким горбиком. Велосипед сходу взлетает на пропитанные влагой – и снизу, и сверху – старые доски, и становится страшно и весело от того, что внизу плещется серо-синяя, взбаламученная солёная вода, а сверху падает как сквозь сито просеянная пресная.

Скотчем на стену я повесила карту шведского юга. Каждый раз, оставляя велосипед у дома, я поднимаюсь в комнату и чёрным маркером обвожу на ней ещё один путь.

***

Со мной всегда Синица. Она присылает мне свой голос из Крыма, из Москвы, снова из Крыма, и голос этот плещет крыльями над моими плечами, как если бы каждое своё сообщение Синица приносила сама. Мне кажется, что душа её по форме похожа на столб света, соединяющий с небом её беспокойное сердце. После смерти мы все вернёмся в землю, а Синица обязательно попадёт в космос, я это точно знаю – она вернётся в его объятия, как если бы выполнила свою миссию. Я слушаю её голос молча, вдумчиво и набрасываю ответы карандашом. Мы говорим о кармических связях и о том, почему Гарри Поттер – ужасная книга. Я вижу, как она говорит, громко, быстро, широко раскрывая глаза, как машет руками, как прижимает ладонь ко лбу, откидывая чёлку цвета апельсиновой корки, вижу её синюю юбку солнцем, и рюкзак с брелками из сапожков. Я вижу её в красивой, изящной асане на рассвете на крымском берегу.

И, разводя руки в неторопливом движении ицзицинь, посылаю ей мысленный привет.

***

Этот город люминесцентного цвета.

Наверное, поэтому мы не уживаемся. Не уживаемся уже три дня: сначала отчаянно, под конец агрессивно. Чего я только не пробовала. Не замечала, угрожала, умоляла; отшагивала пешком, плавала на паромах, ездила на метро; ходила в магазины, секонд-хенды, музеи; меняла Сёдер на Гамла Стан и Гамла Стан на Сёдер. Без толку. Сегодня утром мы всерьёз задумались о том, чтобы наплевать на последнюю ночь, купить билеты на сутки раньше и уехать обратно, домой. Уличные вывески заплясали перед глазами от восторга, но я не могла не уехать, не выяснив с ним отношений.

Это столица Швеции. Столица Швеции.

Я восхищаюсь этими людьми. Они искренне улыбаются тебе из-за стоек и информационных столов, уточняют, точно ли тебе нужен пакет (ведь он сделан из пластика, а пластик...) и проводят невыносимые минуты в специальных подвалах, чтобы рассортировать мусор. Они часами, кажется, готовят твой заказ в полупустом Макдоналдсе. Они никуда не торопятся. Они не имеют ничего против расплывшихся татуировок. Они с гордостью вешают в окнах шведские флаги рядом с радужными.

После полуночи поезда в метро ходят не чаще, чем раз в десять минут. Гулкий звук их приближающихся громад эхом раздаётся на пустой платформе. Крайние станции – никаких подземных дворцов, грязная плитка и большие холодные панели с указанием, к какой станции поезд пойдёт в этот раз. Каменная скамья холодит, ноги и руки тоже мёрзнут от сильного кондиционера. Рядом афроамериканская семья пытается что-то выяснить у служащего, тоже афроамериканца. Его руки цвета чёрного шоколада здесь, в холодном свете этих люминесцентных ламп, кажутся неуместными, почти карикатурными. Жёлтая форма висит на нём мешком. Усталое, рассеянное лицо.

Наверху становится совсем неудобно. Здесь на ночь не выключают витрин, и они продолжают по-прежнему освещать белые пластиковые лица манекенов, приглашать поесть за двести крон, подстричься или купить велосипед. Улицы пусты, пусты и отталкивающе, застарело замусорены, так, что ветер с моря гоняет по брусчатке старые бычки и размокшие белые комки бумаги. А люминесцентный свет с витрин продолжает литься, литься и застывать в продрогшем воздухе; он висит, как ядовитое облако. Шаги слышно отчётливо, а я не могу отделаться от ощущения, что случилось что-то нехорошее, что все куда-то ушли, сбежали, спрятались, и что надо быстрее тоже куда-то забиться.

Кто-то сильно пьяный, окатывая запахом спирта и давно не мытого тела, сворачивает за угол возле нас.

Это всё было бы привычно, привычно и смешно, ведь каждый знает, что в Скандинавии всё закрывается после пяти, люди ценят своё время, люди уделяют его отдыху, люди собира-

ются семьями, это правильно и надо, вообще-то, брать пример, а не возмущаться, что негде выпить кофе перед сном, – так вот, всё это было бы смешно и привычно, если бы не эти усыпанные какой-то дрянью улицы, если бы не развязные цыганские женщины, кутающиеся в грязные одеяла на скользких ступенях метро, если бы не этот тревожный, настороженный дух, который висит смогом в воздухе, как тот люминесцентный свет.

Чего я требую от города, который так сильно болен?

Справа, за деревьями, на залитом полуночным белом светом футбольном поле, кто-то расположился на ночлег.

***

Рядом с крестом на Skogskyrkogården чувствуешь себя маленьким и очень связанным с небом. На похоронах шведки переобуваются в красивые туфли и носят солнечные очки.

***

Между деревьев неслышно ходят серые фигуры на тонких ногах. Солнце светит сквозь дождь, и оттого кажется, что везде – радуга; в беседку дышит влагой и холодком. Хочется поднять к огню ноги и согреть их тоже. Шарф пахнет норвежским ветром – я не смогла заставить себя его постирать, и теперь к запаху гор примешивается сладковатый дух горящего дерева.

Снаружи, прижавшись друг к другу, мокнут наши велосипеды. Дождь застал нас уже на выходе – это скандинавская погода меняется по щелчку. Небо вмиг обметало серым, потемнели верхушки сосен, и полило. Мы долго ютились сначала под зонтом, затем – в сувенирной лавке. Трогали кружки, магниты, безразмерные футболки с лосиными мордами, с ужасом косились на замороженную лосятину. Николина ест маленький шоколадный брауни, я запикиваю в рот свой неизменный рис и думаю о том, как его ненавижу. Хозяйка, маленькая шведка в мужском спортивном костюме, глядит на нас искоса, потом интересуется – прохладно, поздешнему: дождь? Дождь, киваю. Нам почти час на велосипедах до станции. Тогда она делает знак рукой и, бесстрашно выйдя под дождь, ведёт нас в огромную, видно, предназначенную для мероприятий, деревянную беседку. Светло и пахнет потухшим костром. Мы много благодарим, хозяйка смахивает с лица волосы и, кинув дров на длинную печь для барбекю, поливает их жидкостью для розжига.

Ну, теперь вам тут поуютнее, говорит она и уходит под дождь, не обернувшись на наши благодарности. Тут так не принято. Мы тянем ладони над огнём. Руки пахнут лосиной шерстью. Живо вспоминаю длинную умную морду, тянущуюся внутрь вагончика, и то, как ощущается на пальцах жёсткая шерсть на рогах. Лось – это что-то очень интеллигентное. Неторопливое. Незлое. Берёт губами берёзовую ветку и тянет на себя всю, и пудовые рога едва не задевают твоё лицо, когда он наклоняет голову. The King, говорит гид. Я ласково глажу короля по шее.

После лосей мы долго возимся с пугливыми лупоглазыми ламами, кормим их капустой. Ламы очаровательные и глупые.

Обратно дорога идёт под гору, по пустой мокрой трассе в лесу. Сосны здесь прямые, как спички, с серебристо-серыми стволами, и подлесника совсем нет, только комковатый бурый мох, под которым не видно земли. Шишкинские картины. Под конец дорога резко делает поворот и бросается вниз, в туннель; я отпускаю педали велосипеда, белая пунктирная разметка сливается в единую размытую полосу, уши жжёт от ветра. В тот момент, когда я оказываюсь в туннеле, наверху проходит поезд.

Голос мой отдаётся эхом и катится в сосны.

***

Маяк становится видно только глубоко за полночь.

Мы проезжаем крепким сном спящий Оттенбю и, свернув куда-то вниз, влетаем в беспроглядную темноту. Краем глаза я успеваю заметить раскрытые ворота. Дорога бросается вперёд, как взлётная полоса. Ветер нахлестывает справа, слева и спереди, и становится ясно, что мы – на самой южной оконечности острова, там, где он стрелкой вытягивается в открытую Балтику. Я вспоминаю карту: дорога, по которой мы едем – биссектриса острого угла, строгая, стремительная, рассекает остаток пути по острову до самого пика, там, где его венчает маяк. Это значит, полоса земли настолько узкая, что море должно быть видно и слева, и справа. Сейчас оно только угадывается – тяжкими, грудными звуками, дегтярной, протяжно колышущейся массой. Свято верится, что в моменты сильного шторма море может или легко накрыть землю с обеих сторон, и тогда остров окажется совсем под водой, или, что ещё более жутко, схлестнуть свои волны куполом над дорогой, так что она окажется в водном гроте. Мы знаем, что это неправда, но всё равно думаем об этом.

Маяк – просто проблеск. В самом конце дороги, даже будто над ней, ты вдруг видишь вспышку белого света, направленную прямо тебе в грудь; спустя сотую долю секунды вспышка разворачивается боком, чтобы ты увидел, как далеко тянется её геометрически ровная полоса, а затем пропадает. Сон. Я оглядываюсь назад, переднее колесо велосипеда начинает вилять, в темноте различаю три фигуры позади. Тереза пригибается грудью к рулю и, нагнав меня, некоторое время едет рядом. Она молчит. Видела.

Ехать жутко. Слишком ясно, что вокруг – море, и что ты его не видишь в темноте, и начинает казаться, будто, сверни ты руль на полметра вправо или влево, то сразу окажешься в студёной чёрной воде и пойдёшь ко дну вместе с колёсами, звоночком и железной рамой твоего велосипеда, и на поверхности останутся только пузырящиеся пакеты с едой да пустая бутылка из-под воды.

Но это тоже неправда. Когда облака расходятся, становится видно, что с морем дорогу всё же разделяет полоса пустынной суши. Земля светлая и вся покрыта огромными валунами, вросшими в траву, обсыпана камнями. Деревья, как на картинках в книжках про саванну, кряжистые, с овальными шапками жёстких листьев, и все склонены, согнуты, скручены в сторону суши; дай им волю, вырвутся и убегут от этого страшного морского ветра, который день и ночь гнёт их со стороны воды. И звуки. Резкие, высокие вскрики, протяжные посвисты, глухое ворчание, методичные оклики, постукивание, низкий, шелестящий шорох; звуки носятся в темноте, как тени, как призраки, и от этого волосы на загривке поднимаются дыбом и становится неуютно.

Смоляная темень, студёное море и эти звуки. Низкое жужжание колёс велосипеда. И впереди, венцом – белёсый пульсирующий свет маяка.

Все возможные стремления сужаются до единственной задачи: прикончить эту дьявольскую дорогу, оставить позади эту чертовщину звуков, запахов и движений, на ходу соскочить с велосипеда и, позволив ему повалиться набок, прижаться к белёному боку маяка. Передать ему через ладони все пятьдесят шесть километров, отмотанных тобою на двух колёсах, всё ноющее желание разжечь костёр, высушить вымокшие носки и уткнуть лоб в колени, чтобы от жара лицо ожило и покраснелось.

К тебе. Мы к тебе ехали. Мы всё это время к тебе ехали вчетвером.

Но пока – дорога, прямая и бесконечная. В какой-то момент кто-то сзади глухо вскрикивает: олени! Торможу резко, чуть не покотившись кубарем через руль, чтобы успеть увидеть лёгкие полупризрачные тени, будто тёмные расплывчатые мазки в воздухе, высокими испуганными скачками перепархивающие дорогу. Совершенно ненастоящие, будто с неба спрыгнувшие. Тонкие рога похожи на ветви, нарисованные на небосводе.

У маяка садимся рядком, прижавшись спинами к холодной стене, вытянув ноги, и смотрим на ночное море. Я суетливо шарю в пакетах наощупь, достаю персик и быстро ем, обляпываясь соком, Тереза крупными кусками кусает яблоко, Рустам поднимает камеру телефона и, наговаривая на динамик, снимает совершенно непроглядное тёмное ничего с красным веночком маяка наверху. Укутанные, как цыгане, уставшие, как черти.

Потом, позже, устало выговаривая шведские слова, я узнаю, что последние четыре километра мы ехали через заповедник, что звери, от редких птиц до диких быков, гуляют здесь свободно и без препятствий, и, самое главное, что нигде здесь нельзя не то что разжечь костёр, но даже бросить спальник и уснуть. Мы просим налить в бутылки воды – нам отдают свою – и возвращаемся к маяку. Там ещё долго сидим, молчаливо готовя себя к пути обратно по этой кишасей звуками дороге, прочь от холодного светлого лика маяка, к спящему городу, искать ночлег.

Так из пятидесяти шести километров получается шестьдесят.

Тереза остервенело давит на педали рядом со мной, задыхаясь, задорно кричит «С'мон, с'мон, Russian girl!», и слева видно оленьё стадо, застывшее, тетивою натянутое, разглядывающее нас.

Я не оглядываюсь на маяк. Вернёмся завтра, на рассвете.

Потом – много часов в попытках выбраться к пляжу, Дима, ударившийся током о забор для скота, насквозь промокшие ноги, мальчики, отправляющиеся в разведку за разведкой в темноте, и мы с Терезой, и я – с большим кухонным ножом в руке. В конце концов мы устаём окончательно, ругаемся, сердимся и разжигаем костёр прямо у дороги. Маленькие, как булабочные головки, бесцветные слизняки переползают с высокой влажной травы на рамы и корзинки велосипедов, на обтрепавшиеся пакеты. Мокро, зябко и тихо. Позади – поле, в темноте не видно, какое. По бокам – церковное кладбище и маленький уютный кемпинг с палатками, светящимися изнутри. В кемпинг мы ползём после, с горем пополам высушившись, наевшись чуть тёплых, полусырых сосисок с холодным хлебом, напившись невкусного чаю с каким-то мусором, плавающим сверху, и без спроса бросаем спальники прямо на траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.